

О.В. Новоселова

Тверской государственной университет, г. Тверь

КОММУНИКАТИВНЫЕ МАРКЕРЫ ДИСКУРСА УГРОЗЫ

Ключевые слова: речевой акт, дискурс, угроза, коммуникативные маркеры, социальный статус, иллокутивная структура, результативность достижения иллокутивной цели.

Настоящая работа посвящена изучению русскоязычных речевых актов угрозы. Целью исследования является выявление и систематизация коммуникативных (вербальных и невербальных) маркеров дискурса угрозы.

O. V. Novoselova

Tver State University, Tver

COMMUNICATIVE MARKERS IN DISCOURSE OF THREATENING

Keywords: speech act, discourse, threatening, communicative markers, social status, illocutional structure, perlocutionary effect.

In this article the author turns to the studying speech acts of threatenig in Russian language. The aim of study is detection and systematization of communicative (verbal and nonverbal) markers in discourse of threatening.

Обращение к данной теме объясняется актуальностью самого объекта исследования, что проявляется в постоянном интересе современных лингвистов к теории речевых актов в целом, а также к отдельным ее типам: просьбам, советам, предупреждениям, угрозам и др.

Объектом исследования послужило 631 высказывание угрозы, полученные методом сплошной выборки из 320 дискурсов угрозы на русском языке.

Под коммуникативными маркерами угрозы будем понимать языковые и невербальные особенности высказываний угроз, а угрозой будем считать намерение говорящего ввести адресата в дискомфортное состояние, для того, что бы он выполнил что-либо в интересах говорящего, а также намерение нанести физический или моральный вред слушающему (Быстров, 2001:17).

Распространено мнение, что менасивный компонент угрозы всегда относится к будущему времени (Почепцов, 1981: 273). Действительно, в большинстве случаев глагол в высказываниях угрозы употребляется в форме будущего времени (97% примеров, содержащих менасивный компонент). Ср.: «*Не тронь камень, а то двину прикладом...*»; «*Проклян, коли пойдешь!*»; «*Покалечу!..*»; «*Да я те, за такие твои речи, из живого полбороды выдеру!*»; «*Я самому воеводе жалобу подам!*».

Однако возможно употребление высказываний угроз, содержащих глагол в форме настоящего (ср.: «*Иначе ты... иначе знать тебя не хочу!*»)

или прошедшего времени («*А с колокольни ты не летал?..*», «*В переплете не был?*», «*Мало я вам, злодеям, головы рубил!*»), что объясняется тем, что угроза может быть выражена косвенно (Быстров, 2001: 31). Так, некоторые высказывания формально не относятся к угрозам, так как говорящий не указывает менасивного действия, например, косвенным речевыми актами угрозы являются вопрос: «*В переплете не был?*», декларатив: «*Этим способом я тоже могу разделаться с вами...*» (1). Другими словами, можно представить высказывание (1) так: «*Если вы так поступаете, то я тоже могу разделаться с вами*».

В 200 высказываниях угрозы (31% примеров) были выявлены обращения, но только в 28 примерах использовались собственные имена существительные: «*Ты за это ответишь, Макар Нагульнов!..*», «*Да знаешь ли ты, Степкин, што тебя ожидает за самое это дело?!*», «*Не звони, Римский, никуда, худо будет*». Наиболее часто употребляются обращения со сниженной эмоциональной оценкой: «*сволочь(и)*» (13 раз), «*сукин(ы) кот / сын / дети*» (9 раз), «*дурак(и)*» (7 раз), а также «*вор(ы)*», «*гад(ы)*», «*дьявол(ы)*», «*мерзавец*». В некоторых угрозах говорящий использует такие фамильярно-дружественные обращения ([http: Толковый словарь русского языка](http://Толковый словарь русского языка)) как «*приятель*» («*Ты про батюшку лучше помалкивай, приятель. А то...*»), «*брат*» («*Молод, брат, востёр очень! Я не посмотрю, что ты генеральский...*»), а также уменьшительно-ласкательные существительные («*Гляди, Андрюшка, как бы я тебя не швырнул ко всем чертям!*», «*Ну, подожди ж, племянничек родимый...*»), которые приобретают негативный смысл в речевом акте угрозы.

Наиболее частотными глаголами менасивной части рассмотренных примеров, являются следующие: глагол «*убить*» встречается 20 раз в своем основном значении «*лишить жизни*», глаголы «*казнить*» в значении «*подвергнуть смертной казни*» и «*повесить*» в значении «*лишать жизни через повешение*» - по 4 раза каждый, «*застрелить*», «*стрелять*» и «*расстрелять*» («*убить с помощью огнестрельного оружия*») - 15 раз, разговорно-фамильярный глагол «*показать*» в значении «*проучить кого-либо, отомстить*» ([http: Толковый словарь русского языка](http://Толковый словарь русского языка)) встречается 23 раза, просторечно-фамильярный глагол «*дать*» ([http: Толковый словарь русского языка](http://Толковый словарь русского языка)) в том же значении – 16 раз. Глаголы в менасивной части угрозы могут также употребляться в несвойственном для этого глагола негативном значении. Например, из всех значений глагола «*встречать*» ([http: Толковый словарь русского языка](http://Толковый словарь русского языка); [http: Словарь русского языка](http://Словарь русского языка)) ни одно не описывает ситуацию, представленную в примере: «*Уж мы тебя, злодея, встретим...*», так как в данном примере глагол «*встречать*» приобретает смысл «*нанести некоторый вред*».

Синтаксической особенностью высказываний угрозы являются повествовательные предложения (84% примеров), например: «*Как прирезала твою подружку, так и тебя пристрелю, и даже глазом не моргну*», «*Собак спущу...*», «*Выгоню тебя, Петре, в холодный лаз до вечера!*». Вообще, этот тип предложений – наиболее распространенный, так как они очень

разнообразны по своему содержанию и структуре ([http: Русский язык](http://)), а к тому же угроза - это обещание причинить неприятность ([http: Толковый словарь русского языка](http://)), а не вопрос или побуждение.

Угрозами в форме вопросительных предложений являются следующие высказывания: *«А если б я, например, вздумал донести коменданту?»*, *«Да знаешь ли, что я сейчас с тобой сделаю?»*, *«А с колокольни ты не летал?..»*, *«По две головы, что ли, у вас?..»*, *«В рожу хошь?»*, так как, произнося их, говорящий не намеревался получить в ответ на них какую-то информацию. Например, он не ждал ответа на вопрос: *«А с колокольни ты не летал?..»*, а скорее угрожал: *«Я тебя скину с колокольни, если не сделаешь что-либо»*. Также угроза возможна в форме побудительного предложения: *«Я вот тебе свистну!»*, *«Я вот тебе посвищу!»*, *«Ты у меня поговори!»*, *«Ти-ш-ш...»*, *«Замолчи»*. Характерной особенностью угроз в форме вопросительных и побудительных является то, что они являются косвенными речевыми актами угрозы. Так, директивный речевой акт *«Замолчи»* можно представить как: *«Если ты не замолчишь, то я тебя ударю самопалом / выстрелю из самопала»*, так как говорящим был использован жест: он замахнулся, и собеседник понял, что это угроза.

Было установлено, что одинаково часто высказывания угрозы возможны как в форме простых предложений (53% примеров): *«Я тебя убью, сатана!»*, *«Я жаловаться буду Хмурому»*, *«Я те покажу, стерва!»*, *«Пасть разорву и зенки повыкалываю!»*, так и в форме сложных (47% примеров): *«А то, что если вы еще раз... осмелитесь упомянуть хоть одно слово... о моей матери... то я вас с лестницы кувырком спущу!»*, *«Если вы меня не убьете, я вас зарезу из-за угла»*, *«Пусть только пикнут, я в пять минут вышвырну их за пределы России...»*. Подобное распределение связано с тем, что при оформлении угрозы иногда отделяется условие угрозы не запятой, а точкой, восклицательным или вопросительным знаком, что приводит к увеличению количества простых предложений. Например, говорящим была использована угроза в форме простого предложения *«Я те покажу боксу!.. Враз все забудешь!»* вместо *«Я те покажу такой бокс, что сразу все забудешь»*.

Высказывания угрозы могут оформляться с помощью различных типов сложных предложений: 1) бессоюзных: *«Помни: наши пути схлестнутся!»*, *«Погублю всех вас, черти, — увидишь!»*, *«Тюкну я тебя, Сморчок, наведешь ты меня на грех»*, *«Запомни: при первой же попытке к бегству...»*; 2) сложносочиненных: *«Я тебя породил, я тебя и убью!»*, *«Не подходи, гад, как сказал, так и сделаю...»*, *«Жизни решусь, а — растерзаю...»*, *«Я напишу, но это будет известно прокурору...»*, *«Ни слова тут, или я тебя... размозжу!»*; 3) сложноподчиненных: а) времени - *«Придешь домой, я тебя мокрой тряпкой приглажу»*, *«Погоди, вот домой придем, я тебя выдеру ...»*; б) условия - *«Если еще раз увижу тебя на работе в этих клоподавах, голову оторву!»*, *«Ей-богу, если хоть чуть заденешь, я тебе плашмя клинком по башке заеду!»*; в) цели - *«Я вот тебе дам затрецину, чтобы знал, как спугивать»*, *«... таковым головы рубить, кровь проливать, чтобы детям их*

было в предосторожность»; д) следствия - «Вот я тебя тресну по башке, тогда будет вкусно!..», «Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать...»; е) изъяснительные - «Дождетесь, что я вас из дома повыгоню», «Я те покажу, как государем величаться!»; ж) меры: «Так дам, что своих не узнаешь!..», «Я тебе так расшибу, что и мать не отмоеет!».

Из угроз в форме сложных предложений наиболее часто встречаются условные сложноподчиненные (66% примеров), что обусловлено самой структурой угрозы: наличием менасивного и кондиционального компонентов. Например, угроза в форме условного сложноподчиненного предложения: «Если еще раз увижу тебя на работе в этих клоподавах, голову оторву!», где «Голову оторву» - менасивный компонент, а «Если еще раз увижу тебя на работе в этих клоподавах» - кондициональный компонент.

Речевые акты могут совершаться с использованием жестов, мимики, изменения качества голоса и т.д. (Сусов, 2007: 35). На материале исследования установлено, что из 631 факта угрозы, в 172 примерах были использованы не только языковые, но и невербальные средства. А с помощью классификации невербальной коммуникации В.А. Лабунской ([http: Социальная психология](http://Социальная психология)) они были систематизированы: 1) оптико-кинетические средства (87% примеров): показывать веревку, снять с плеча ружье, сунуть кулаком в нос, поднять руку и грозить пальцем; 2) пара- и экстралингвистические средства: сказать зловещим, придушенным шепотом, отвечать с угрозой в голосе; 3) средства организации пространства и времени: неожиданно вскочить на ноги и ринуться на кого-то; 4) визуальный контакт: впиться испытующе глазами, не переставать улыбаться.

В одном речевом акте угрозы возможно сочетание нескольких типов невербальных средств: «А ежели станешь языком брякать,— засверкав глазами (визуальный контакт), закончил шепотом Пугачёв (пара- и экстралингвистические средства),— атаманы мои смерти предадут тебя, и ребят твоих с тобою вместе».

Интересным фактом является то, что 18 речевых актов угрозы были осуществлены только с помощью невербальных средств. Например: «Пьяный выронил камень, погрозил пальцем», «Он обернулся и, оскалив зубы, погрозился костылем с железной блямбой».

Как считает В.В. Быстров, угроза строго не обусловлена социальными отношениями: любой человек может угрожать любому человеку, требуя от него каких-либо действий (Быстров, 2001: 27), а Н.А. Бут (Бут, 2004: 6) полагает, что угрожать может только тот, у кого социальный статус выше.

Воспользовавшись условными обозначениями социально-ролевого статуса, предложенными Романовым А.А., имеем некоторую систему отношений между говорящим (x) и слушающим (y): $R_x = R_y$, $R_x > R_y$, $R_x < R_y$ (Романов, 2005: 80), где R - принадлежность коммуникантов к определенному социально-ролевому статусу,

Следующие примеры подтверждают идею Н.А. Бут (Бут, 2004: 6) о $R_x > R_y$ (61% примеров): высказывание «Вешать буду...», произнесенное царем

в адрес своих подданных; фраза барина крепостному: «*Кину в морду блюдцем...*»; высказывание следователя в адрес заключенного «*А не расскажешь, будешь упрямиться - закатаю по полной*».

В то время как равными социальными статусами обладают дети, произносящие угрозы: «*Вот я тебя тресну по башке, тогда будет вкусно!..*», «*Я тебе за это ползвода зубов вышибу!*», «*Кто проболтается — зубы выбью!*»; друзья: «*Ни слова тут, или я тебя... размозжу!*»; заключенные в местах лишения свободы: «*Я т-тебя...*»; родственники: «*Зять выхватил саблю, кинулся за Пугачевым в воду. — Стой, лиходеи!..*».

Но возможны угрозы с $R_x < R_y$ (18% примеров); например, фраза «*Ну, я этих стукунов... Вот я вас...*» была произнесена говорящим в адрес царя и его свиты или дети, угрожавшие директору детского дома: «*В школу не пойдем, раз так!*», «*Лягавку спалим!*».

Важно отметить тот факт, что $R_x > R_y$ не всегда является показателем успешности речевого акта. Например, угроза директора завода «*Если через пятнадцать минут вы не начнете работать — я прикажу записать всем штраф!*» не достигла иллокутивной цели, так как рабочие продолжали свой митинг.

Как и любые другие речевые акты, угрозы могут достигать своей иллокутивной цели (ввод адресата в дискомфортное состояние, для снятия которого ему будет необходимо выполнить действие, указанное адресантом (Быстров, 2001:17)); либо имеет место коммуникативная неудача (68% примеров). В то же время программную реализацию глобальной (т.е. характерной для типового иллокутивного потенциала) цели (http: Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста), задает фреймовый сценарий любого типа, в том числе и директивно-экспрессивный, к которому относится угроза (Романов, 1988: 53-54). При определении того, как адресат отреагировал на угрозу, была рассмотрена иллокутивная структура дискурса угрозы, состоящая из иллокутивных действий (ИД) (http: Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста).

Речевой акт угрозы является успешным (иллокутивная цель угрозы выполнена), в том случае, если а) ответом на угрозу было принятие со стороны слушающего того, что говорящий в состоянии выполнить и выполнит свое обещание-угрозу, например:

ИД 1(угроза + констатация): *Вот я тебя как высеку, так ты у меня будешь знать, как говорить с хорошим человеком!*

ИД 1а (согласие): *Как милости вашей будет завгодно...*

б) реакцией слушающего на угрозу был испуг или «эмоциональное напряжение» (Быстров, 2001: 15):

ИД 1 (угроза + невербальный маркер угрозы + вопрос-утверждение): *Я прямо к министру! (Стучит кулаком по столу.) Что вы? Что вы?*

ИД 1а (испуг): *(вытянувшись и дрожа всем телом).*

Но возможны случаи, когда слушающий не верит, что адресант угрозы осуществит указанное действие или понимает, что он не в состоянии его осуществить. Например:

ИД 1 (угроза): *Я вас под арест...*

ИД 1а (вопрос): *Кто? Вы?*

ИД 2 (констатация): *Да, я!*

ИД 2а (констатация несогласия): *Коротки руки!*

В данном случае адресанту угрозы не удалось осуществить свою иллокутивную цель. Реакцией слушающего был не испуг, а вопрос-утверждение, показывающее, что слушающий не поверил в угрозу.

Также коммуникативной неудачей является тот случай, когда адресат угрозы в ответной реакции становится сам адресантом угрозы:

ИД 1 (угроза + констатация + угроза): *Получишь! Гад буду, получишь!*

ИД 1а (угроза): *Сам не получи!*

Таким образом, проанализировав языковые и невербальные особенности высказываний угрозы, было установлено следующее:

- глагол в составе угрозы может употребляться как в будущем, так и в настоящем и прошедшем времени;

- речевой акт угрозы может совершаться с использованием обращений к собеседнику;

- речевой акт угрозы может оформляться различными синтаксическими конструкциями: простыми и сложными; повествовательными, побудительными и вопросительными предложениями;

- речевой акт угрозы может совершаться с использованием разных типов невербальных средств;

- речевой акт угрозы возможен, когда $R_x = R_y$, $R_x > R_y$, $R_x < R_y$.

Однако отметим наиболее характерные коммуникативные маркеры высказываний угроз:

- глагол в будущем времени – 97% высказываний угроз;

- сложноподчиненные предложения условия - 66% высказываний угроз;

- $R_x > R_y$ – 59% высказываний угроз;

- оптико-кинетические невербальные средства (если присутствуют невербальные средства) - 87% высказываний угроз.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология [Электронный ресурс]. – Электронн. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.psylib.org.ua/books/andrg01/txt06.htm>, свободный. – Яз. рус., 14.06.10.

2. Бут Н.А. Просодические характеристики ситуативно обусловленных иллокутивных актов группы «менасивов» (экспериментально-фонетическое исследование на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов: ТГТУ, 2004. – 14 с.

3. Быстров В.В. Функционально-семантический анализ менасивных диалогических реплик: Дис. ... канд. филол. наук. – Тверь: ТвГУ, 2001. – 124 с.
4. Иванова И. П., Бурлакова В. В., Почепцов Г. Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. — М.: Высш. школа, 1981. — 285 с.
5. Романов А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: http://www.tverlingua.by.ru/archive/002/02_1_02.htm, свободный. – Яз. рус., 24.04.10
6. Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – Москва: Институт языкознания РАН, 2005. – 153 с.
7. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Институт языкознания АН СССР, Калининский СХИ, 1988. – 183 с.
8. Сусов И.П. Введение в языкознание: учеб. для студентов лингвистических и филологических специальностей. – М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 379 с.
9. Литневская Е. И. Русский язык: краткий теоретический курс для школьников [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/book/litnevskaya.htm>, свободный. – Яз.рус., 12.06.10.

Лексикографические источники

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов/Под ред. докт. филол. наук, проф. Н. Ю. Шведовой. – 14-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1982. – 816 с.
2. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Электрон. данные. – 2010. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/>, свободный. – яз. рус., 12.06.10.

References

1. Andreyeva G. M. Social psychology [Sotsialnaya psikhologiya] [Elektronnyy resurs]. – Elektorn. dannyye. – 2010. - Rezhim dostupa: <http://www.psylib.org.ua/books/andrg01/txt06.htm>, svobodnyy. – Yaz. rus., 14.06.10.
2. But N.A. Prosodic characteristics of situationally determined group of illocutionary "menasive" acts (experimental phonetic research on the material of the modern German [Prosodicheskiye kharakteristiki situativno obuslovlennykh illokutivnykh aktov gruppy «menasivov» (eksperimentalno-foneticheskoye issledovaniye na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)]: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Tambov: TGTU, 2004. – 14 s.

3. Bystrov V.V. Functional and semantic analysis of menasive dialogic replicas [Funutsionalno-semanticheskiy analiz menasivnykh dialogicheskikh replik]: Dis. ... kand. filol. nauk. – Tver: TvGU, 2001. – 124 s.
4. Ivanova I. P., Burlakova V. V., Pocheptsov G. G. Theoretical grammar of modern English language [Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka]: Uchebnik. — M.: Vyssh. shkola, 1981. — 285 s.
5. Romanov A.A. Illocutionary knowledge, illocutionary acts and illocutionary structure of dialogic text [Illokutivnyye znaniya, illokutivnyye deystviya i illokutivnaya struktura dialogicheskogo teksta] [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: http://www.tverlingua.by.ru/archive/002/02_1_02.htm, svobodnyy. – Yaz. rus., 24.04.10
6. Romanov A.A. Semantics and pragmatics of German performative statements-requests [Semantika i pragmatika nemetskikh performativnykh vyskazyvaniy-prosb]. – Moskva: Institut yazykoznaniiya RAN, 2005. – 153 s.
7. Romanov A.A. System analyze of regulative means of dialogue interaction [Sistemnyy analiz regulyativnykh sredstv dialogicheskogo obshcheniya] / A.A. Romanov. – M., 1988. – 183 s.
8. Susov I.P. Introduction to Linguistics [Vvedeniye v yazykoznaniiye]: ucheb. dlya studentov lingvisticheskikh i filologicheskikh spetsialnostey. – M.: AST: Vostok – Zapad, 2007. – 379 s.
9. Litnevskaya Ye. I. Russian language: a short theoretical course for school children [Russkiy yazyk: kratkiy teoreticheskiy kurs dlya shkolnikov] [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://www.gramota.ru/book/litnevskaya.htm>, svobodnyy. – Yaz.rus., 12.06.10.

Lexicographic sources

1. Ozhegov S. I. Dictionary of Russian language [Slovar russkogo yazyka]: Ok. 57 000 slov/Pod red. dokt. filol. nauk, prof. N. Yu. Shvedovoy. – 14-e izd., stereotip. – M.: Rus. yaz., 1982. – 816 s.
2. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of Russian language [Tolkovyy slovar' russkogo jazyka] [Elektronnyy resurs]. – Elektron. dannyye. – 2010. – Rezhim dostupa: <http://slovari.yandex>.